

Британское влияние на идеи модернизации России в первой четверти XIX в.

Александр Орлов

British influence on ideas of modernization in Russia in early 19th century

Aleksandr Orlov

(Moscow State University of Education, Russia)

DOI: 10.7868/S0869568718030056

Проблема влияния Англии на Россию, или рецепции британского опыта (в разнообразном преломлении), уже давно изучается в отечественной и зарубежной историографии. Исследованы темы, касающиеся, например, восприятия в России британских правовых, политических и экономических идей, взаимодействия (взаимовлияния) культур двух государств¹, их социальных контактов², феномена русской англomanии³. Накопленный усилиями учёных значительный объём материала сегодня нуждается уже не столько в историческом, сколько в историко-философском анализе. При этом следует разобраться в том, по какой причине для России на протяжении длительного времени был так важен именно опыт Англии (и этот процесс продолжается), и почему он так мало и фрагментарно применялся на практике. Цель данной статьи — анализ разных аспектов российско-британского взаимодействия в кризисный для России и всей Европы период — начала XIX в.

Осознав необходимость реформирования всех областей жизни Российского государства (аппарата управления в центре и на местах, правовой сферы, системы образования, экономики, армии и флота и т.д.), император Александр I неизбежно обратился к британскому опыту. Но за ним уже стояла большая история, и его плюсы и минусы были известны представителям правящего слоя России. Следовательно, материал этой эпохи может проиллюстрировать этап сложного (противоречивого, но в какой-то степени и плодотворного) осмысления опыта Англии применительно к уникальным российским условиям.

© 2018 г. А.А. Орлов

¹ Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2009.

² Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982; Литвинов С.В. Россия — Западная Европа: историческая динамика взаимодействия культур (середина XVI — середина XIX вв.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008; Кросс Э. Английский Пётр. Пётр Великий глазами британцев XVII–XX веков. СПб., 2013.

³ Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996; Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005.

⁴ Предтеченский А.В. Англomanия // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия / Сост. Т.Н. Жуковская, Л.М. Предтеченская. СПб., 1999. С. 40–101; Литвинов С.В. Англomanия в России как социокультурное явление (последняя треть XVIII — середина XIX вв.). Дис. ... канд. культурологии. М., 1998.

Что именно планировали перенимать у этой страны Александр I и его единомышленники во властных структурах России и каким путём; как это сказалось на функционировании государственных институтов; какие британские достижения «прижились» на русской почве, а какие нет и почему; по какой причине, наконец, император отказался от реализации большей части проектов, основанных на опыте Британии? Отвечая на эти вопросы, проследим, как британское влияние отразилось на идеях модернизации России на всех уровнях: от политики до моды (в том числе на «новую науку» — политическую экономию). Основное внимание при этом необходимо сконцентрировать на том, почему именно британский опыт подталкивал представителей правящего слоя нашей страны к выдвижению и попыткам реализации тех или иных идей в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке.

Но сначала несколько предварительных замечаний. Британское влияние на идеи модернизации в России впервые значимо проявилось при Петре I. Царь, побывавший в 1698 г. в Англии, интересовался её техническими новинками (в первую очередь в области кораблестроения) и особенностями политической жизни. По возвращении он использовал английские изобретения, но заявил при этом, что в России «англинская вольность... не у места, как к стене горох»⁵, т.е. не может быть востребована и потому никому не нужна.

Напротив, Екатерина II обратила самое пристальное внимание на труды английского юриста У. Блэкстона. По её приказу профессор права Московского университета С.Е. Десницкий перевёл на русский язык первый том сочинения Блэкстона «Комментарии к английским законам»⁶, а издал его выдающийся просветитель Н.И. Новиков⁷. Однако к труду англичанина Екатерина II отнеслась не так, как, например, к знаменитому сочинению «О духе законов» (1748) французского философа Ш.-Л. Монтескьё, которого она буквально «обобрала» (по её собственному признанию) для составления «Наказа» Уложенной комиссии 1767 г. Императрица полагала, что славяне и норманны в древности основательно повлияли на формирование англо-саксонской государственной и судебной традиции, следовательно, здесь ничего принципиально нового по сравнению с законами, появившимися на русской почве, найти не удастся. Цель изучения труда английского юриста для Екатерины II (начала читать книгу в 1774 или 1775 г. и два года не расставалась с ней, заполнив толстую тетрадь в 385 страниц «Выписками из шести томов Блэкстона, толкователя Аглицких законов») состояла в том, чтобы классифицировать российское законодательство по примеру английского. «Я ничего не делаю из того, что у него в книге, но это для меня пряжа, которую я разматываю по-своему», — писала она 4 августа 1776 г. немецкому публицисту и дипломату (её корреспонденту в Париже) барону Ф.-М. Гримму. Знакомство с трудом Блэкстона убедило императрицу в том, что в России

⁵ Майков Л.Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. 82.

⁶ Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. 4 vols. Oxford, 1765–1769. Екатерина знакомилась с сочинением Блэкстона по французскому переводу (*Blackstone W. Commentaire sur le lois d'Angleterre. Trad. par Gomicourt. T. 1–6. Bruxelles, 1774–1776*). Она включила работы Блэкстона и Д. Юма в список произведений для обязательного чтения наследника престола вел. кн. Павла Петровича (*Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович. Политический дискурс и социальная практика. М., 2004. С. 71*). Об интересе Павла I к трудам Блэкстона см.: Там же. С. 102, 142, 149.

⁷ Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. I–III. М., 1780–1782.

высшая власть (законодательная и исполнительная) должна оставаться в руках признающего примат закона монарха⁸.

К Блэкстону Екатерина II обращалась по всем юридическим вопросам, особенно при выработке принципов реформирования Сената (верховного органа управления империей)⁹. Некоторые идеи англичанина были использованы при составлении «Устава благочиния» (1782). Благодаря этому документу в российском праве появились новые понятия о видах преступлений: против личности, собственности, «народного» правосудия, «тишины» (общественного спокойствия), здоровья и торговли, т.е. личность, собственность и общество позиционировались в качестве объектов государственной защиты¹⁰.

Екатерина II активно занималась экономикой (прежде всего внешней торговлей) и укреплением обороноспособности государства. Для этого в Российскую империю из Англии приглашали мастеров различных технических специальностей и морских офицеров¹¹. Вместе с тем интересы отечественной промышленности требовали постепенного освобождения от британского влияния. Неразвитость экономических институтов крепостнического государства могла привести к тому, что лидирующие позиции в них заняли бы обладавшие свободными средствами английские предприниматели¹². Екатерина II пыталась побудить русских купцов основать торговые конторы в Лондоне, продавать там экспортные продукты с наибольшей выгодой, получая добавленную стоимость и доставляя её (в виде денег или товаров) в Россию¹³. Накопленные средства можно было использовать для интенсификации реформ¹⁴. Вместе с тем госуда-

⁸ Кологривов С.Н. Новонайденный труд Екатерины Великой // Русский архив. 1908. Кн. II. № 6. С. 169–177.

⁹ Иконников В.С. Сенат в царствование Екатерины Второй // Русский архив. 1888. Кн. I. № 1. С. 32–37, 40.

¹⁰ По оценке Г.О. Бабковой, «во второй половине XVIII в. это было знаком серьёзных изменений во взаимоотношениях между подданными и властью, которая, “предохраняя” “безопасность” и собственность “каждого особо гражданина”, формировала условия для гарантий “государственной волюнтарности” и собственной трансформации в “законную монархию”» (Бабкова Г. Проект «Уголовного уложения» Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVI–XX вв.). Сборник статей / Под ред. М.Г. Муравёвой. СПб., 2011. С. 245).

¹¹ Кросс Э. Британцы в Петербурге... С. 176–280 (гл. 5, 6); Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Очерки. М., 2008. С. 37–48.

¹² «Экономические и культурные связи между Россией и Великобританией достигли в XVIII в. выдающихся результатов. Великобритания стала основным торговым партнёром России. Целые отрасли российского производства работали, в основном, на удовлетворение британских потребностей в товарах, необходимых для кораблестроения, промышленности и населения “Туманного Альбиона”. Отметим в этой связи, прежде всего, чёрную металлургию, полотняное дело и пеньный промысел. Несмотря на изменчивость внешнеполитической конъюнктуры, на случавшиеся кризисы, ставившие обе страны на грань полного разрыва дипломатических отношений, экономическое и культурное партнёрство не только не прерывалось, но и расширялось» (Цит. по: Дёмкин А.В. Между двумя эмбарго: британское купечество в России в 1801–1807 гг. // Проблемы исторической географии и демографии России. Сборник научных статей. Вып. I / Отв. ред. Ю.А. Поляков. М., 2007. С. 314–329); см. также: Дёмкин А.В. Британское купечество в России XVIII века. М., 1998).

¹³ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке. Сборник документов / Сост. А.В. Дёмкин; отв. ред. А.А. Преображенский. М., 1994. С. 67.

¹⁴ Эти опыты оказались неудачны и средств в казну не принесли. За весь XVIII в. из более чем 500 россиян, посетивших Англию, всего лишь 12 человек были связаны с торговлей (Кросс Э. У Темзских берегов... С. 348, 352–354, 356, 358–361).

рыня продолжила (в большем масштабе) дело императрицы Елизаветы Петровны по отправке русских студентов в британские университеты. И.А. Третьяков и Десницкий учились в университете Глазго и в 1761—1764 гг. посещали лекции А. Смита¹⁵. Став в 1767 г. докторами права и вернувшись на родину, они во многом способствовали популяризации смитианства.

В России идеи Смита были, конечно же, адаптированы, но в то же время восприняты русскими раньше, а в чём-то и глубже, чем в Англии. Например, те, что были представлены в его пятой книге («Об обязанностях государя или государства») «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776): разумный протекционизм необходим, если без него в конкурентной борьбе с иностранцами могут погибнуть важные отрасли отечественной экономики, обрекая на голодную смерть значительную часть населения. Также, по словам Смита, «некоторые отдельные отрасли торговли, которые ведутся с варварскими и нецивилизованными народами, требуют чрезвычайного покровительства»¹⁶.

После победы Англии в Семилетней войне 1756—1763 гг. на смену увлечения всем французским (галломания) в Европу пришла англomanия, прежде всего в бытовой сфере (домашний комфорт, моды, садово-парковое искусство и т.д.). Вскоре она появилась и в России: Екатерина II была не чужда новому увлечению, что побудило обратить на него внимание и аристократов (впоследствии англomanия как стремление защититься с помощью законов от всевластия самодержавной монархии приобрела политический оттенок)¹⁷. Няни-англичанки воспитывали всех внуков императрицы. Старший из них, вел. кн. Александр Павлович, к примеру, до назначения к нему воспитателем швейцарца Ф.-С. Лагарпа говорил по-английски, но совершенно не знал французского языка.

Став в 1801 г. императором, Александр I столкнулся с вызовом Французской революции. Новые условия требовали от него быстрого реформирования всей сферы управления и экономической системы России. Целью императора стали создание конституционной монархии, введение некоторых элементов парламентаризма (для придания нового импульса политической жизни) и ликвидация крепостного права (для стимулирования экономики). Примером здесь могла быть только Англия — единственная великая держава XVIII в., оказавшая достойное сопротивление Франции, защитившая собственные производство и торговлю, не поступившись при этом основными политическими свободами. Великобритания, со своей стороны, была крайне заинтересована в союзе с Россией.

В преддверии большой войны с Францией Александр I стремился прежде всего успеть преобразовать систему управления империей и укрепить её финансовую безопасность. Для решения второй задачи он продолжил протекционистскую деятельность Екатерины II. Вновь были сделаны попытки активизировать

¹⁵ Кросс Э. У Темзских берегов... С. 142—148. При чтении лекций по юриспруденции и моральной философии Смит рассматривал и экономические проблемы.

¹⁶ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 526.

¹⁷ Видимо, такая разница восприятия заставила английского историка Э. Кросса назвать новое для России идейное явление при Екатерине II «англофилией», проистекавшей в значительной мере из личного опыта людей, а при Александре I — великим периодом «русской англomanии, для которого предыдущее столетие обеспечило... “исторические корни”» (Кросс Э. У Темзских берегов... С. 298—299).

российскую внешнюю торговлю с помощью государственной поддержки. Здесь в качестве самого убеждённого единомышленника императора выступил министр коммерции гр. Н.П. Румянцев¹⁸. Однако такая политика вызвала гнев посла в Лондоне англофила гр. С.Р. Воронцова. Он ссылаясь на книгу Смита, наполненную, по его словам, «неопровержимыми аксиомами относительно торговли, как Эвклид в геометрии», и на труд французского экономиста Ф.-В. Дюверже де Форбонне «Основы торговли» (1754)¹⁹. Высокая оценка Воронцовым труда Смита подтверждает мысль о подготовленности русского общества к восприятию учения последнего. В то же время, у посла тоже были меркантилистские представления, что доказывается его оговоркой о торговле как «важной отрасли администрации», т.е. государственного управления. Оговорка не случайная, поскольку способности русских купцов к самостоятельному ведению дел он оценивал невысоко²⁰.

В романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831) главный герой Онегин «читал Адама Смита // И был глубокий эконо^м»²¹. Этот интеллигент изучал труды английского экономиста, а столичные дамы предпочитали брошюры его популяризатора француза Ж.-Б. Сэя²². Российское высшее общество первой трети XIX в. знакомилось с произведениями Смита с помощью ещё одного посредника – остзейского немца, учившегося в университетах Гейдельберга и Йены, А.К. Шторха, автора шеститомной работы «Курс политической экономии...»²³. Однако он совершенно по-другому понимал задачи политэкономии как науки. Основным предметом изучения для него служило государство, обеспечивавшее безопасность личности и собственности, без чего в условиях России невозможно было рассчитывать на какое-либо увеличение национального

¹⁸ В 1808–1814 гг. Н.П. Румянцев занимал пост (до 1810 г. – с сохранением прежней министерской должности) министра иностранных дел. В течение государственной деятельности он был сторонником протекционизма как главного средства развития отечественной экономики.

¹⁹ Цит. по: *Мартенс Ф.Ф.* Россия и Англия в начале XIX-го столетия (окончание) // Вестник Европы. 1894. Т. 6. Кн. 11 (ноябрь). С. 202–203. Экземпляр «Исследования...» Смита Воронцов ещё в 1786 г. отправил своему брату (гр. А.Р. Воронцову), бывшему тогда президентом Коммерц-коллегии, с просьбой дать оценку этому труду (*Сопленков С.В.* «Коммерция всего земного круга». Сведения о российско-азиатской торговле и опыт её осмысления в отечественной экономической литературе XVIII в. // Восток. 2007. № 3. С. 63; см. также: *Alexeev M.P.* Adam Smith and his Russian Admirers of the Eighteenth Century // *Scott W.R.* Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937. P. 428).

²⁰ Например, в ответ на требование Павла I перед разрывом с Англией возратить на родину всех торгующих россиян, Воронцов сообщал в Государственную Коллегию иностранных дел: «Россия ничего не потеряет, оставя их в чужих краях» (АВПРИ, ф. 132, оп. 506, д. 1, л. 380).

²¹ *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. Роман в стихах. М., 1976. С. 57.

²² Там же. С. 71.

²³ *Storch H.* Cours d'économie politique, ou exposition des principes qui déterminent la prospérité de nations. Т. 1–6. St.-Petersbourg, 1815. Шторх начал работу над книгой по просьбе вдовы Павла I императрицы Марии Фёдоровны, в 1809 г. пожелавшей лично ознакомиться с новой наукой. В 1813 г. по «Курсу...» обучались её сыновья – великие князья Николай (будущий император Николай I) и Михаил Павлович (*Сомов А.И.* Шторх Андрей Карлович (Heinrich Storch) // Русский биографический словарь. Т. [23]. СПб., 1911. С. 428–432). Русский перевод первого тома труда Шторха вышел в 1881 г. Полностью его книга была переиздана в Германии на французском языке по тексту 1815 г. (*Storch H.F., von.* Cours d'économie politique. Bd. 1–6. Hildesheim, 1997). Полное русскоязычное издание увидело свет только в начале XXI в. (*Шторх А.К.* Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М., 2008).

богатства²⁴. Для Пушкина также учение Смита — это в первую очередь знание того, «как Государство богатеет» (именно так печатали эту фразу в первых изданиях романа)²⁵. Смит и его наставник — шотландский философ Д. Юм представляли акценты иначе, «требуя» от правителя сначала обеспечить населению стабильный доход. Внешнеполитические условия, в которых тогда находилась Россия, не предоставляли Александру I таких возможностей.

Тем не менее задача могла быть реализована в будущем. Поэтому император стремился проводить реформы, основанные на принципах «разума» и «полезности» (рационализма и утилитаризма). В области правового реформирования он через статс-секретаря Министерства внутренних дел (МВД) М.М. Сперанского обратился за помощью к английскому философу-утилитаристу Дж. Бентаму. Александр I полагал, что поскольку в 1786—1787 гг. учёный жил в России, то ему хотя бы в главных чертах была известна российская специфика²⁶. Кроме того, монарха-реформатора заинтересовали труды Бентама потому, что тот стремился выработать новое справедливое законодательство, отказавшись от устаревших принципов римской юстиции и рутины местного (английского) обычного права. Представителям правящей элиты России должна была также импонировать идея Бентама об облегчении с помощью реформ «сверху» положения народа, но без его участия.

²⁴ Шторх по мере возможности старался популяризировать успехи цивилизации в России на Западе. В 1803—1809 гг. он издавал на немецком языке исторический журнал «Россия при Александре I» (*Russland unter Alexander dem I, eine historische Zeitschrift*), в котором «имел в виду давать обзор наиболее значительных событий современной ему русской жизни». Начиная со второго тома, он привлёк к постоянному сотрудничеству Егора (Георга) фон Энгельгардта (будущего директора Царскосельского лицея), которого рекомендовал своим читателям как знатока русского языка и России вообще (*Кобеко Д.Ф.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Изд. 2. М., 2008. С. 71). Энгельгардт продолжил дело Шторха, издавая в 1828—1832 гг. «Русский сборник для более точного познания России и её жителей...» (*Russische Miscellen zur genaueren Kenntniss Russland und seiner Bewohner herausgegeben von Georg Engelgardt*) (Там же. С. 166—167).

²⁵ *Сопленков С.В.* Императоры и политэкономы. Государства и общества Востока, России и Запада в отечественной экономической мысли дореформенного периода // Востокведы востоковеду. Сборник на юбилей Глория Кузьмича Широкова / Отв. ред. М.С. Мейер, А.М. Петров. М., 2000. С. 70—72.

²⁶ Бентам жил в поместье светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического недалеко от г. Кричева Могилёвской губ. в качестве гостя своего младшего брата — инженера и кораблестроителя Сэмюэла Бентама, управлявшего поместьем. Во время пребывания в России философ почти совершенно не интересовался тем, что происходило в стране (*Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 799, 802). Подробнее о пребывании Бентамов в имении Потёмкина см.: *Montefiore S.S.* Prince Potemkin and the Bentham // *History Today*, 2003. Vol. 53(8). P. 38—45, а также: *Монтефиоре С.С.* Роман судостроителя. Братья Бентамы в «потёмкинской деревне» // Родина. 2003. № 5—6. С. 51—53). Всё же можно предполагать, что Сэмюэл информировал брата о реальном положении дел. В письме к Александру I от мая 1814 г. учёный признавался: «Об особенностях России я имею некоторое понятие. Два года из тех лет моей жизни, которые были наиболее богаты наблюдениями, были проведены в пределах России» (Цит. по: *Пыпин А.Н.* Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Т. 2. Кн. 4. С. 745). Кросс уточняет: Дж. Бентам ещё в молодости познакомился в Лондоне с братьями М.И. и И.И. Татищевыми, служившими в русском посольстве. Михаил Татищев был автором брошюры о созыве в Москве Уложенной комиссии и перевода на английский язык «Наказа» Екатерины II. «Через много лет, оглядываясь на этот период, Бентам припомнил, как начал читать труды Гельвеция, и они, вместе с переводами сочинения Беккариа «О преступлениях и наказаниях» и «Наказа» Екатерины, «стали для меня свежими побуждениями и зажгли новые маяки». Бентам «очень интересовался проектами Екатерины и много расспрашивал Михаила и его брата, приехавшего в Лондон в 1769 г., о России» (*Кросс Э.* У Темзских берегов... С. 45—46).

Посредником между Бентамом и его русскими «заказчиками» выступил бывший пастор реформатской церкви в Петербурге (1784–1786) швейцарец П.-Э.-Л. Дюмон. Как красноречивый оратор он был хорошо известен в российской столице. Впоследствии Дюмон жил в Англии и во Франции, где сблизился со многими известными людьми, в том числе с Бентамом, став переводчиком и популяризатором его работ²⁷. В 1802 г. Дюмон снова приехал в Петербург и привёз часть тиража своей книги «Рассуждение о гражданском и уголовном законодательстве», составленной из переводов произведений Бентама²⁸. Издание (неожиданно для автора) имело в России огромный успех²⁹. Позитивный общественный настрой³⁰ побудил императора и Сперанского установить непосредственный контакт с представителем Бентама. 10 октября 1804 г. Сперанский написал Дюмону письмо, предлагая ему использовать достижения политэкономии Смита для создания целостного учения (надо полагать, приемлемого для реформирования в российских условиях). «Я думаю, что, следуя плану г. Бентама, Политическая Экономия займёт гораздо более естественное положение, будет легче для изучения и будет более научной», — отмечал Сперанский³¹.

По словам А.Н. Пыпина, «для многих мыслящих людей, желавших общественного добра, идеи Бентама в первый раз давали твёрдую точку опоры и логическое доказательство, которым мог подкрепить себя новый образ мыслей. Когда император дал повеление об издании сочинений Бентама на русском языке, это дало идеям Бентама новую санкцию; и сам император, вероятно, разделял до известной степени уважение к этому авторитету»³². Отрывки из сочинений Бентама (в русском переводе) уже в 1804 г. появились на страницах официального органа МВД — «Санкт-Петербургского журнала». В его втором номере неофициальный отдел состоял «исключительно из Бентама, у которого заимствованы статьи: О распространении познания законов, О пользе просвещения, О свободе книгопечатания»³³. Но издатели журнала, прежде всего Сперанский, понимали, что ни одна идея не может быть перенесена на чужую почву без адаптации к местным условиям. Поэтому перед статьёй «О свободе книгопечатания», «где Бентам

²⁷ Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // Голос минувшего. 1913. № 2 (февраль). С. 143–147.

²⁸ *Traité de Législation Civile et Pénale*. Т. 1–3. Paris, MDCCCII [1802].

²⁹ В июне 1803 г. он писал английскому юристу сэру С. Ромильи (тот передавал письма Бентаму): «Можете ли Вы поверить, чтоб в Петербурге было продано моего *Бентама* столько же экземпляров, сколько в Лондоне? Сто экземпляров были проданы в очень короткое время, и книгопродавцы просят нового запаса. Это доставило мне благосклонность многих лиц, которую я употребляю в пользу. Книге удивляются, а издатель скромно принимает свою долю в этом удивлении. Но что удивило меня больше всего, это впечатление, какое произвели определения, классификации и метод, и отсутствие тех декламаций, которые были так скучны для людей с серьёзным умом» (Пыпин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 805).

³⁰ Этот настрой ярко выражен в письме (от 5 февраля 1804 г.) генерал-майора Н.А. Саблукова С. Бентаму: «России нужны законы. Не только Александр Первый желает дать ей кодекс, — Россия сама его требует. Мы, русские, видели развитие французской революции — деспотизм, к которому она привела и от которого недавно избавились; но мы должны иметь кодекс — кодекс, который бы сохранил правительству необходимую силу для справедливого управления этой обширной страной, составленной из различных наций, — всё завоёванных, — но который бы вместе с тем и парализовал эту силу, когда бы она употреблялась на несправедливость. Пусть Иеремия Бентам приготовит этот кодекс!» (Там же. С. 810).

³¹ Там же. С. 812.

³² Там же. Т. 2. Кн. 4. С. 730–731.

³³ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 813.

защищает почти безусловную свободу печати, издатели поместили такую оговорку: “Мнения писавших о свободе книгопечатания столь были всегда различны, что читателям приятно, конечно, будет увидеть их здесь вместе и сравнить между собою; и в том намерении издатели поместили следующие два извлечения, одно подле другого”. Второе извлечение (неизвестно, из какого писателя) оспаривает возможность безусловной свободы печати и примером неудачи [германского императора] Иосифа II утверждает, “сколь важно и необходимо соображать все новые постановления с духом народа и степенью просвещения его”³⁴.

В 1805–1811 гг. по приказу Александра I был опубликован русский перевод книги Дюмона³⁵. Чуть раньше император распорядился перевести на русский язык «Исследование...» Смита, для чего предоставил переводчику Н.Р. Политковскому 5 тыс. руб. из средств своей личной канцелярии (кабинета)³⁶. «За один 1802 год на издание различных сочинений и переводов из кабинета его величества выдано было до 160 000 рублей», — писал Пыпин³⁷. Таким образом, видно, что император обращал особое внимание на идейную подготовку своих реформ.

Но Бентам не выполнил «заказ» Александра I. Он предлагал свои проекты готовыми и не хотел ничего в них менять³⁸. То же произошло и в 1814–1815 гг., когда к нему вторично обратились за помощью. Это заставило российские власти отказаться от сотрудничества с Бентамом. Общественный интерес к идеям английского философа тоже снизился. Первые два тома перевода книги Дюмона вышли в 1805 и 1806 гг., а третий — лишь в 1811 г. (задержку с третьим томом можно объяснить и финансовыми трудностями периода наполеоновских войн). Мыслящие люди, получившие благодаря реформам Александра I доступ

³⁴ Там же. С. 813–814.

³⁵ Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно Законов. Соч[инение] английского юрисконсультанта Иеремиа Бентама. Изданное в свет на французском языке Степ[аном] Дюмоном, по рукописям от автора ему доставленным. Переведённое Михайлом Михайловым, с прибавлением дополнений от г-на Дюмона сообщённых. Т. I–III. По Высочайшему повелению. СПб., 1805–1811.

³⁶ Исследование свойства и причин богатства народов, соч[инение] Адама Смита / Пер. с англ. Н. Политковского. Ч. I–IV. СПб., 1802–1806. Интересно, что в 1816 г. в Петербурге вышла переведённая Политковским с французского языка книга Сэя «Сокращённое учение о государственном хозяйстве, или Дружеские разговоры, в которых объясняется, каким образом богатство производится, делится и потребляется в обществе». В посвящении министру финансов гр. Д.А. Гурьеву Политковский указывал: он обратился к переводу этой книги, так как она, благодаря учебному характеру, краткости, ясности и простоте изложения, может служить руководством к чтению «трудной для восприятия» книги Смита.

³⁷ Пыпин А.Н. Русские отношения Бентама // Вестник Европы. 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 816.

³⁸ А.Н. Медушевский уточняет: «В условиях революционного перехода от традиционного сословного общества к массовой демократии и всеобщему избирательному праву, он (Бентам. — А.О.) видел свою миссию в том, чтобы стать первым “законодателем мира”, сознательно противопоставляя свои утилитаристские взгляды отжившим институтам, но, одновременно, одномерным рационалистическим и историческим подходам». Автор выделяет «три составляющих концепции Бентама, выражающих суть утилитаризма — его модель кодификации; реформирования системы уголовного, судебного и административного права, а также... техники политических (конституционных) и законодательных реформ. Несмотря на то что общая концепция Бентама никогда не была реализована ни в одной из стран мира, его вклад по этим направлениям оказался значителен, причём, преимущественно за пределами Западной Европы, в частности в России» (Медушевский А.Н. Бентам и принципы конструирования рациональной правовой системы в России // Диффузия европейских инноваций... С. 121–122).

к разнообразной литературе, имели возможность и желание рассуждать, сравнивать между собой те учения, которые предлагала им западная наука, и вырабатывать свой собственный взгляд на её достижения. Онегин, слыша в великосветских салонах Петербурга дамскую болтовню «о Сэе и Бентаме», оценил её как «несносный, хоть невинный вздор»³⁹. Образованная часть русского дворянства «переросла» патерналистскую политику правительства. В этой среде, из которой вышли будущие декабристы, находили себе сторонников предложения английского юриста о необходимости широкого развития общественного мнения с помощью парламентаризма и свободной прессы⁴⁰. Здесь между двумя представлениями о модернизации возникла пропасть, которая со временем углубилась и не позволила процессу реформирования при Александре I приобрести необратимый характер.

Русское общество распрощалось с бентамовскими иллюзиями к концу 1830-х гг., свидетельством чему стала повесть кн. В.Ф. Одоевского «Город без имени» (1839). В ней говорится о том, как граждане государства Бентамия (бентамиты), жившие по прекрасным принципам утилитаризма, постепенно уничтожили вокруг всё живое и, в конце концов, самих себя⁴¹. Однако следующие переломные эпохи в жизни России вновь возродили интерес к личности и деятельности Бентама⁴².

Неудача с Бентамом не остановила реформы. Император не отказался от своих планов, и дело шло (медленно, но постоянно) к реализации поставленных задач. Указы 1801 г. (о праве недворян покупать земли без крестьян) и 1803 г. (о «вольных хлебопашцах») готовили почву для будущего освобождения крестьян от крепостной зависимости. Издававшиеся книги (переводные и русские) поддерживали интерес к актуальным проблемам права, политэкономии, взаимодействия государства и общества и т.д. Сперанский,

³⁹ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 57, 71.

⁴⁰ Многие декабристы во время следствия 1826 г. называли Бентама философом, который в значительной степени повлиял на формирование их мировоззрения. Об «английском мифе» декабристов подробнее см.: Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 116–150. По словам П.Н. Милюкова, один из лидеров декабристов – Н.И. Тургенев, находясь в конце 1820-х гг. в Англии, наиболее сблизился с членами радикального политического кружка, объединившимися вокруг Бентама. «С бентамистами его связывало... поклонение Адаму Смиту и те настроения, которые сблизили его с декабристами по возвращению в Россию из наполеоновских походов. Но ученик [А.Г.Л.] Геерена (в Гёттингене) и поклонник [Г.Ф.К. фон] Штейна, научившийся ценить традиционную английскую конституцию по [Ж.-Л.] Делольму, Тургенев не мог всецело примкнуть к “радикальным реформаторам” Англии» (Милюков П.Н. Н.И. Тургенев в Лондоне // Временник Общества друзей русской книги. Вып. III. Париж, 1932. С. 71).

⁴¹ Одоевский В.Ф. Город без имени // Одоевский В.Ф. Последний квартет Бетховена. Повести, рассказы, очерки. Одоевский в жизни. М., 1982. С. 258–270. В.Г. Белинский, называя эту повесть Одоевского одним из его лучших произведений, в то же время упрекал писателя в односторонности: «Автору можно возразить, что могут быть общества, основанные на преобладающей идеи утилитарности, но что общества, основанные на исключительной идее практической пользы, совершенно невозможны. Сколько можно заметить, автор намекает на Северо-Американские Штаты; но что можно сказать положительного об обществе, которое так юно, что ещё не доросло до эпохи уравнивания своих сил и полной общественной организации? И кто может сказать утвердительно, что в этом странном, зарождающемся обществе не кроются элементы более действительные и благородные, чем исключительное стремление к положительной пользе? Вообще, мысль о возможности смерти для обществ вследствие ложного направления слишком пугает автора» (Белинский В.Г. Сочинения князя В.Ф. Одоевского // Одоевский В.Ф. Указ. соч. С. 359–360).

⁴² Медушевский А.Н. Бентам и принципы конструирования... С. 120–129.

назначенный в 1808 г. «присутствующим» в Комиссии составления законов, напряжённо работал над созданием правового механизма будущих преобразований. В том же году гр. А.А. Аракчеев был утверждён военным министром и начал реформы с целью усовершенствования системы управления и снабжения сухопутной армии. Известный англофил адмирал П.В. Чичагов (военно-морской министр в 1802—1809 гг., официально до 1811 г.) укреплял русский флот с помощью высокопоставленных офицеров британского происхождения (самым выдающимся среди них был шотландец А.С. Грейг — сын екатерининского флотоводца адмирала С.К. Грейга)⁴³.

Военные реформы стали главными в те годы, когда Россия вела войну с Наполеоном (1805—1807, 1812—1815). Но в перерывах между кампаниями (1808, 1810) продолжались и важные государственные реформы. При этом, поскольку Англия являлась главным, а порой и единственным союзником России (за исключением периода англо-русской войны 1807—1812 гг., хотя и тогда обошлось без большого кровопролития), российско-британское взаимодействие шло по нарастающей. Ещё в 1804 г. Александр I (в сотрудничестве с кн. А.А. Чарторыйским) предложил британскому премьер-министру У. Питту Младшему план создания коалиции, которая даст Европе мир, а затем — стабильное развитие под защитой «нового кодекса международного права». Россия и Англия, связанные постоянным союзом, должны были стать гарантами будущего справедливого мирового устройства не только в Европе, но и в сопредельных с ней странах Азии, прежде всего в Османской империи⁴⁴.

Характерно, что в послевоенном европейском устройстве предполагалось сделать ставку не на реставрацию прогнивших политических режимов, потерпевших сокрушительное поражение в борьбе с Францией, а на создание обновлённых государств в соответствии с идеями Просвещения⁴⁵. Питт не пошёл на заключение такого союза, но согласился совместно бороться с европейским диктатором Наполеоном до его низвержения с трона. Эта совместная борьба, в значительной степени оплаченная Англией, завершилась в 1815 г. созданием Венской системы международных отношений, гарантировавшей Европе длительный мир и определённую экономическую стабильность.

После победы Александр I вновь вернулся к идеям государственного реформирования. Британский опыт по-прежнему оказывал значительное влияние на его деятельность. В письме знаменитому победителю Наполеона в битве при Ватерлоо фельдмаршалу А.К. Уэллсли герцогу Веллингтону император утверждал: Великобритания являет собой лучший образец системы государственного управления, и этот образец вполне может быть перенесён в послевоенную Францию⁴⁶. Однако России ещё требовалось время для выхода «на уровень» Франции. Финансы и экономика страны находились в плачевном состоянии. Нужно было снова начинать с экономики и это привело к возрождению интереса к политэкономии в русском обществе.

⁴³ Крючков Ю.С. Алексей Самуилович Грейг. М., 1984; Орлов А.А. Английские моряки на русском флоте в Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 191—195.

⁴⁴ Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 18—19; Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000. С. 163.

⁴⁵ Сопленков С.В. Дорога в Арзрум... С. 164.

⁴⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 2. 1815—1830 гг. Т. I(IX). М., 1974. С. 62. № 16.

Александр I способствовал переезду в нашу страну британских специалистов — учёных, врачей, фабрикантов, техников, механиков, металлургов, гидрологов, кораблестроителей, агрономов, архитекторов, конезаводчиков и т.д.⁴⁷ Либеральные таможенные тарифы 1816 и 1819 гг. обеспечили широкие возможности для импорта английских товаров в Россию (негативные последствия этих мер проявились быстро, и в 1822 г. протекционистский тариф был восстановлен⁴⁸). Но за счёт одних только иностранцев решить проблему реформирования экономики оказалось невозможно. Поэтому резко возросла необходимость подготовки большого количества грамотных работников из числа русских разночинцев. Кроме того, просвещение народных масс позволило бы подготовить почву для будущих более значительных перемен и избежать опасности революции⁴⁹ (по мнению С.В. Рождественского, в политике просвещения того времени следовало «передвинуть центр тяжести от вершины — университетов к основанию — народным школам»⁵⁰). И тогда император решил внедрить в России ланкастерскую систему взаимного обучения⁵¹, с которой он познакомился, посещая собрания квакеров и принимая их у себя во время пребывания с официальным государственным визитом в Англии в июне 1814 г.⁵² (на необходимости повсеместного введения ланкастерских школ и народных библиотек настаивал в своих проектах и Бентам)⁵³. По указанию Александра I основы новой педагогической системы изучали русские чиновники, студенты и энтузиасты в Англии, Германии и Франции.

⁴⁷ Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII — начало XX в. Биографический справочник. Свердловск, 1981. С. 22–23, 28, 77–78, 84, 124, 139–140, 146–147; Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2009; Диффузия европейских инноваций... С. 220–310; Перетягина А.В. Иностранные специалисты на заводах Вятской губернии в XIX в. // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 150, 152.

⁴⁸ Страхова Н.П. Российский таможенный тариф 1822 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2006. № 11. С. 15–22.

⁴⁹ Предотвращению опасности революции должна была способствовать и религия — православие в совокупности с широким развитием христианского экуменического движения. Для этого в 1813 г. было создано Российское Библейское общество по примеру Британского и Иностранного Библейского общества (основано в 1804 г.). В 1817 г. Министерство народного просвещения преобразовали в «двойное» Министерство духовных дел и народного просвещения (Пытин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 20–303).

⁵⁰ Рождественский С.В. Вопрос о народном образовании и социальная проблема в эпоху Александра I // Русское прошлое. Исторические сборники. Т. 5. М.; Пг., 1923. С. 39.

⁵¹ На важную роль создания в России ланкастерских школ в ряду других либеральных реформ Александра I одной из первых указала Н. Томашевская (Томашевская Н. Ланкастерские школы в России // Русская школа. 1913. № 3. Отд. I. С. 36). В свою очередь П.В. Ильин утверждал, что «первые [русские ланкастерские] училища появились независимо от правительства» (Ильин П.В. Метод «взаимного обучения» и русское прогрессивное общество (К проблеме просветительства в идеологии и практике либералов 1815–1825 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1996. С. 9).

⁵² Пытин А.Н. Религиозные движения... С. 404. Во время аудиенции, данной Александром I представителям квакерского «Общества друзей истинного света» С. Грелье, У. Аллену и Дж. Уилкинсону в лондонском отеле Палтни (Польтни), «квакеры говорили ему о войне, которую они считали делом противозаконным, о рабстве людей, против которого они боролись, о том, что делает Британское и Иностранное школьное общество (распространявшее ланкастерские школы) и что оно могло бы сделать в его обширном царстве». Квакеры впоследствии опубликовали брошюру о своих беседах с императором (A Correct Statement of what passed at a conference between the Emperor Alexander and a deputation from the Society of Quakers. L., 1817).

⁵³ Медушевский А.Н. Бентам и принципы конструирования... С. 128.

Ланкастерская система обучения существовала в России с 1816 г. до конца правления Александра I. Она дала стране большое количество грамотных людей, многие из которых впоследствии продолжили заниматься самообразованием, а также в некоторой степени идейно подготовила наступление эпохи буржуазных реформ Александра II⁵⁴. Немаловажной причиной введения системы стало желание добиться поставленной цели при значительной экономии государственных средств. Стремление экономить и закладывать основу для появления в России «третьего сословия» просматривается во всех послевоенных реформах. Созданная Аракчеевым в 1816–1817 гг. по плану императора система «военных поселений» (перевод части армии на самофинансирование) позволила бы со временем укрепить слой свободных поселян — опору государя в период будущей отмены крепостного права. Сама эта отмена должна была происходить постепенно, чтобы не вызвать недовольства помещиков, на чём всегда настаивал Александр I. В 1816–1819 гг. было ликвидировано крепостничество в трёх западных губерниях. В дальнейшем император поощрял своих сановников активно разрабатывать проекты освобождения крестьян в России. Примечательно, что одними из первых такие проекты представили Аракчеев и член Военного совета Е.Ф. Канкрин (1818)⁵⁵, а также министр финансов гр. Д.А. Гурьев (1819).

Одновременно император вёл работу по подготовке важной политической реформы по европейскому образцу — введению в действие первой русской конституции. К 1820 г. проект «Уставной грамоты Российской империи», разработанной Н.Н. Новосильцевым, был готов. Он предусматривал создание двухпалатного парламента (Государственного сейма и Государственной думы), без которого монарх не мог издать ни одного закона, а также введение принципов неприкосновенности частной собственности, независимости суда, равенства всех граждан перед законом, гражданских свобод, федеративного устройства России⁵⁶. Теоретическая часть реформы дополнялась практическими действиями. Бывший министр полиции А.Д. Балашов в 1819 г. был назначен генерал-губернатором округа, состоявшего из пяти центральных губерний, и ему поручалось ввести там общественное самоуправление (прообраз земства) и административную систему с элементами выборности чиновников⁵⁷.

Интерес к британскому опыту способствовал ещё большему развитию в России конца 1810-х — начала 1820-х гг. англomanии в сфере быта и культуры. Дома и усадьбы русских помещиков устраивались по английскому образцу. Романы А. Радклифф и В. Скотта потеснили французские книги на туалетных столиках русских барышень, знание английского языка наряду с французским стало признаком хороших манер — над этим трудились выписанные из Англии няни, гувернантки и лектрисы. Пушкинский Онегин выезжал в свет, будучи «Острижен

⁵⁴ Об этом подробнее см.: Орлов А.А. «Школы для всех». Ланкастерская система обучения в России в первой четверти XIX века (1814–1826 гг.). М., 2014.

⁵⁵ Е.Ф. (Георг Людвиг) Канкрин в 1823–1844 гг. занимал пост министра финансов при Александре I и Николае I. Он был представителем русско-немецкой школы в политэкономии и в этом смысле продолжателем дела Шторха, но уже не как теоретик, а как практик.

⁵⁶ Кодан С.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года — первый проект российской конституции // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2009 г. В 2 ч. Ч. I. СПб., 2009. С. 290–294.

⁵⁷ Орлов А.А. «Школы для всех»... С. 122–123, примеч. 77.

по последней моде; // Как dandy лондонский одет»⁵⁸. В стихотворной комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) глупец и пошляк Репетиллов говорил Чацкому о том, что посещает ночные заседания в Английском клубе, где собирается «сок умной молодёжи». По словам Репетиллова, во время заседаний члены общества спорили о необходимости введения в России парламента и суда присяжных, восторгались стихами Байрона. А один из их лидеров — князь Григорий — являет собой пример русского англомана: «Век с англичанами, вся английская складка, // И так же он сквозь зубы говорит, // И так же коротко обстрижен для порядка». Чацкий в ответ на это с презрением отвечал Репетиллову: «Вот меры чрезвычайны, // Чтоб взашей прогнать и вас, и ваши тайны»⁵⁹.

Грибоедов с иронией описал русских англоманов. Это неудивительно, поскольку отношение к британскому опыту изменилось. 1820 г. стал переломным для всей реформаторской деятельности Александра I. В октябре в Петербурге произошла «Семёновская история» — попытка бунта в лейб-гвардии Семёновском полку⁶⁰. Поставив инцидент в один ряд с началом революций в Юго-Западной и Юго-Восточной Европе, император увидел опасность подрыва послевоенного европейского устройства. Он находился тогда на конгрессе Священного союза в Троппау, который должен был решить вопрос о способах подавления революции в Неаполитанском королевстве, и столкнулся там с серьёзным противодействием Англии и Франции. Верный принципам легитимизма, Александр I согласился на вторжение австрийских войск в Неаполь, настояв на праве короля Фердинанда I добровольно даровать конституцию своему народу. Правда, король, приверженец абсолютизма, этой уступкой не воспользовался. После конгресса русский император вместе с австрийским канцлером кн. К.В.Л. Меттернихом в представлении европейского общественного мнения стал главным врагом народов, стремившихся к свободе или к созданию национальных государств.

Вернувшись в Россию, Александр I в 1821 г. получил информацию о тайной деятельности будущих декабристов. В стране нарастало и недовольство консерваторов его реформаторской деятельностью. Поняв, что реформы раскачали государство, и он в реальности добился не того, что задумывал в начале правления, император был вынужден отказываться от одного элемента реформирования за другим. Это, как известно, привело его к глубокому разочарованию и к мысли о необходимости отказаться от трона. Модернизация России по британским образцам (таким, как их восприняла русская политическая элита) оказалась незаконченной. После прихода к власти Николая I в 1825 г. страна стала развиваться в ином направлении.

Таким образом, британское влияние на идеи модернизации в России имело давние корни. Оно, как правило, усиливалось в периоды реформ, порождённых тяжёлыми внешнеполитическими обстоятельствами (реформы

⁵⁸ Пушкин А.С. Указ. соч. С. 56. Онегин ел в ресторанах «roast-beef окровавленный» (Там же. С. 60) и beef-steaks (Там же. С. 70), предавался «английскому сплину», уподобляясь герою поэмы Байрона Child-Harold'у (Там же. С. 70—71) и т.д. О дендизме в Англии и во Франции в XIX в. см.: Барбе д'Оревилю Ж.-А. О дендизме и Джордже Брамелле: Эссе. М., 2000. О феномене «русского дендизма» подробнее см.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994. С. 123—135; Вайнштейн О.Б. О дендизме и Барбе д'Оревилю // Барбе д'Оревилю Ж.-А. Указ. соч. С. 35—41.

⁵⁹ Грибоедов А.С. Сочинения. М., 1988. С. 113—114.

⁶⁰ О ней подробнее см.: Лапин В.В. Семёновская история: 16—18 октября 1820 года. Л., 1991.

Петра I, Екатерины II, Александра I, отмена крепостного права в 1861 г., дарование Николаем II ограниченных политических свобод в 1905 г., а также революции начала XX в.). Россия, окружённая сильными и опасными соперниками (или врагами), оказывалась перед необходимостью ускоренной модернизации и, естественно, её правители обращали внимание на опыт самых развитых государств. При этом наблюдалось стремление широко перенимать достижения в сфере экономики и крайне осторожно — в политике, дабы не потерять власть и не поставить страну на грань революции.

Экономическая мощь Англии, её политическая стабильность не могли не привлекать внимания правителей России. Но напрямую воспринимать британский опыт оказалось невозможно из-за разных условий развития двух стран. Нужны были посредники, и такие люди появлялись в русском обществе (учёные швейцарцы, французы или немцы). Они проводили необходимую важную работу и передавали русским адаптированный опыт, который ещё больше изменялся при попытках применить иностранные достижения на российской почве. Это давало и плюс (усваивается то, что может быть усвоено), и минус (то, что не может быть усвоено, надолго переходит в разряд «неприемлемого, непонятного и опасного» и пополняет копилку негативных национальных стереотипов).

Но изменение политических отношений со странами Западной Европы в худшую сторону, как правило, ставило точку в процессе такого восприятия. При возникновении противоречий государственная власть (а она в России — всегда главный двигатель реформ) полностью или частично отказывалась от реформирования по британским (и другим западным) образцам. Внимание обращалось на отечественный опыт, где всё же отчасти сохранялось некоторое влияние переосмысленных западных достижений.

Опыт неизбежно будет перениматься и дальше, причём страны англо-саксонской цивилизации имеют здесь несомненный приоритет, но он сам по себе никогда не сыграет роль главного катализатора модернизации России. Таким катализатором в обозримом будущем останутся потребности внутреннего развития, осознаваемые правящей элитой под влиянием многих факторов, а также давления общественного мнения, не такого сильного, как в западных странах, но всё же постоянно продуцируемого университетским образованием, созданным (и реформируемым) в соответствии с западными образцами.